

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ

**КУЛЬТУРА:
ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ**

**Москва
НАУКА
2015**

5.3. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ЯВЛЕНИЕ И СУБЪЕКТ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

О РОЛИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ЖИЗНИ СТРАНЫ*

Вопрос о роли интеллигенции в жизни России тесно связан с проблемами национальной элиты. Какую роль интеллигенция играет сегодня, какую роль может и должна играть? Может ли она быть локомотивом культурного и социально-экономического развития страны, духовно-нравственным примером для соотечественников, «совестью нации», «генератором идей», «проводником по дороге в будущее» и тому подобным, либо подобные надежды безосновательны? Не остался ли от российской интеллигенции лишь исторический миф, и можно ли на нее в случае реального существования распространить понятие элиты? — Ответы на эти вопросы приходится начинать с осмысления самого понятия интеллигенции.

ПОНЯТИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Интеллигенция — один из самых популярных и расплывчатых терминов как в науке, так и в общественной практике России. Не случайно ее называют «самым таинственным персонажем российской истории», который окружен «ореолом противоречивых мифов, гипотез, контroversз и плохо совместимых фактов» [1]. Трудно найти категорию населения, на которую бы в нашем отечестве обрушивалось столько похвал и осуждения одновременно. Особенно острой становится дискуссия о ее роли и судьбах в бурные, переломные для страны периоды истории.

В начале XX века ряд маститых авторов — ученых, литераторов, философов — весьма аргументированно отстаивал тезис о российской интеллигенции как уникальном, выдающемся явлении, восхищаясь ее гуманизмом и способностью к самопожертвованию; другой, не менее авторитетный ряд интеллектуалов так же аргументированно обвинял ее в «отрыве от народа» и развращении населения «иностранным отравой» [2].

После революции 1917 года в среде самой интеллигенции широкое распространение получил тезис о ее виновности в социальной катастрофе, сгубившей прежнюю Россию, в развязывании гражданской войны. Историк и философ П. Б. Струве, например, утверждал: «Россию

* Печатается по тексту статьи в журнале «Вестник Европы» (2009): см. № 92 Библиографического указателя.

погубила безнациональность интеллигенции, единственный в мировой истории случай забвения национальной идеи мозгом нации» [3]. Интеллигенцию уподобляли «вздувшемуся пузырю на народном теле, оторванному от него и потерявшему всякое живое чувство действительности», указывали на ее политическое бессилие, неспособность изменить ход событий [4]. С другой стороны, в 1923 году широкую известность получило высказывание Максима Горького: «Русская интеллигенция — научная и рабочая — была, остается и еще долго будет единственной ломовой лошадкой, запряженной в тяжкий воз истории России» [5].

Интересно, что на нынешнем переломе отечественной истории дискуссия о судьбах и роли интеллигенции разгорелась не только с той же силой, но и с теми же аргументами. Нетрудно заметить, что позиции сторон в данной дискуссии зависят от того, что именно, кого именно понимать под интеллигенцией.

Обществоведение советских времен определяло этот феномен как «социальную группу, состоящую из образованных людей, обладающих большой внутренней культурой и профессионально занимающихся умственным трудом» [6]. К моменту крушения системы такое толкование уже никого не устраивало. Только в 1990-е годы в России были защищены 30 докторских и 104 кандидатские диссертации, посвященные данной проблематике, состоялось более 50 крупных научных форумов, отраженных в соответствующих сборниках материалов, вышли в свет более 100 книг, а количество статей в периодике превысило возможности библиографического учета [7]. Однако единого, общепринятого определения интеллигенции не существует до сих пор.

Основные элементы современных научных представлений об интеллигенции сформулированы академиком Д. С. Лихачевым в письме «О русской интеллигенции», опубликованном в феврале 1993 года в журнале «Новый мир» [8].

Понятие это, по Лихачеву, — чисто русское. Ученый не убежден, что интеллигенцию следует считать социальной группой, слишком она разрознена и неоднородна. Интеллигентами могут быть дворяне, люди литературы и искусства, ученые и др. Интеллигентностью способны обладать рабочие или, к примеру, поморские рыбаки. Вместе с тем ему очевидно, что при всем «ассоциативно-эмоциональном содержании» этого понятия интеллигенции присущи вполне конкретные общие и типичные черты.

Из принятого в советское время определения у Д. С. Лихачева не вызвало возражения, что интеллигент — это образованный человек, обладающий большой внутренней культурой. Но им выделялись и черты, неведомые официальной советской науке. В первую очередь это — свобода, понимаемая как «независимость мысли при европейском образовании» [9]. В России в условиях деспотизма такая свобода принимает

черты «тайной», о которой писали и Пушкин, и Блок. Трудно и скрывать свои мысли, и открыто выражать их. Отсюда особое отношение к деспотизму власти как специфическая черта интеллигенции: «Постоянное стремление к свободе существует там, где есть угроза свободе. Вот почему интеллигенция как интеллектуальная свободная часть общества существует в России и неизвестна на Западе, где угроза свободе для интеллектуальной части общества меньше» [10]. Свобода для интеллигента — это нравственная категория. Не свободен интеллигентный человек только от своей совести и своей мысли. Совесть по Лихачеву — это рулевой его свободы, она заботится о том, чтобы свобода не превращалась в произвол, но указывала человеку его настоящую дорогу в запутанных обстоятельствах жизни [11].

В середине 1990-х годов Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов провел ряд общественно-научных дискуссий с целью уточнения понятия интеллигенции [12]. В них принял участие ряд крупнейших отечественных мыслителей того времени, каждый из которых по праву сам мог быть отнесенным к числу знаковых фигур интеллигенции: ученые — Дмитрий Лихачев, Николай Карлов, Никита Моисеев, Борис Раушенбах, Моисей Каган, Борис Парыгин, Владимир Ядов, Николай Скатов, писатели — Даниил Гранин, Михаил Чулаки, Вадим Кожинов и др. В итоге было выработано определение: *интеллигент — это образованный человек с обостренным чувством совестливости, обладающий к тому же интеллектуальной независимостью*. Образование без совести и независимости дает обществу иной социальный типаж, названный Солженицыным образованцем [13]. Именно образованцы льнут к власти и не брезгают обслуживанием бизнеса даже в его аморальных проявлениях. Разумеется, они называют себя интеллигентами.

Университетские дискуссии содержали множество любопытных высказываний и замечаний, позволявших более рельефно очертить контуры рассматриваемого феномена. Писатель Михаил Чулаки, к примеру, утверждал, что «интеллигент не может быть харизматической личностью по определению» [14], потому что рефлексирование интеллигента — это состояние, прямо противоположное природе харизматической личности. Вместе с Граниным они сходились на тезисе, что интеллигенция в советское время была нужна власти только для того, чтобы прибрать ее к рукам, заставить служить правящей идеологии. Николай Карлов обращал внимание на то, что настоящий интеллигент должен быть человеком дела [15]. Никита Моисеев утверждал, что сила интеллигенции «в присущем ей чувстве недовольства и стремлении к поиску, к отысканию альтернативы установившемуся образу жизни, осмыслению путей его исправления» [16], что в этом плане она выступает как гарант прогресса. Многие критиковали интеллигенцию за левый радикализм,

нередко доводивший до беды. Академик Моисеев же замечал на это, что «интеллигенция рождает иногда бунтарей, но никогда не рождает тиранов» [17]. Игорь Бестужев-Лада заявлял, что интеллигент — это воплощение Бога на Земле: «Господь Бог в образе своего Сына Иисуса Христа во всех четырех Евангелиях ведет себя с людьми как истинный интеллигент» [18].

Острая дискуссия развернулась по вопросу целесообразности «хождения» интеллигенции во власть. Некоторые полагали такое возможным и даже необходимым: «Нельзя, чтобы власть была неинтеллигентной».

Д. С. Лихачев отстаивал мнение, уже высказанное им в «Новом мире»: «Люди, подчиняющиеся в своей деятельности и оценках другим людям, системам или партийным требованиям, интеллигентами, как мне кажется, не являются: они отказываются от умственной самостоятельности (а следовательно, от какой-то части своей духовной жизни), убивают в себе возможность руководствоваться только независимыми от “обстоятельств”, партийных пристрастий, политической целесообразности убеждениями. Следовательно, строго партийный человек — не интеллигент, он лишь профессионально работает в области идеологии» [19], — пишет он. И далее продолжает: «...это представитель профессии, связанной с умственным трудом (инженер, врач, ученый, художник, писатель), и человек, обладающий умственной порядочностью. Меня лично смущает распространенное выражение “творческая интеллигенция”, точно какая-то часть интеллигенции вообще может быть “нетворческой”. Все интеллигенты в той или иной мере “творят”, а с другой стороны, человек пишущий, преподающий, творящий произведения искусства, но делающий это по заказу, по заданию, в духе требований партии, государства или какого-либо заказчика с “идеологическим уклоном”, с моей точки зрения, никак не интеллигент, а наемник. К интеллигенции, по моему жизненному опыту, принадлежат только люди свободные в своих убеждениях, не зависящие от принуждений экономических, партийных, государственных, не подчиняющиеся идеологическим обязательствам» [20].

Исходя из этой позиции, идя во власть, интеллигент может сохранять, выражаясь словами Д. С. Лихачева, «общую интеллигентность», проявлять ее в личной жизни и профессиональной деятельности, но функционирует он уже как чиновник, а не как интеллигент. В ипостаси чиновника человек обязан соблюдать корпоративную этику. Характерен в этой связи личный пример А. А. Собчака, воспринимавшегося в период перестройки общественным мнением как типичный выразитель дум и чаяний ленинградской интеллигенции. Возглавив демократически избранный Ленсовет и став по должности государственным деятелем, в первые же дни он отметил, что «политика — удивительно грязное дело». В том смысле, что нередко приходится выбирать между

аморальным и очень аморальным решением того или иного вопроса, поскольку иных решений на практике просто не существует [21].

Из этого не вытекало, что интеллигент не имеет морального права становиться чиновником или бизнесменом. Как быть — личный выбор человека. Другое дело, что следует понимать цену подобного перехода и в случае его осуществления уже не стоит называть себя интеллигентом. Достаточно быть сочувствующим интеллигенции...

Другой интересный сюжет университетских дискуссий — генезис интеллигенции.

Дмитрий Лихачев отмечал, что уже на рубеже XI–XII веков внутренней свободой обладал киевский князь Владимир Мономах, являвшийся в какой-то степени прообразом интеллигента [22]. Другим прообразом уже на рубеже XV–XVI веков стал монах Максим Грек. По мнению Дмитрия Сергеевича, в XVII веке на Руси подлинных интеллигентов не было. Образованные люди были, но — не «высокая русская интеллигенция нового времени». Не было интеллигенции и при Петре I: «Для ее образования нужно было соединение университетских знаний со свободным мышлением и свободным мировоззренческим поведением. Петр опасался появления независимых людей. Он как бы предчувствовал их опасность для государства, избегал встреч с западноевропейскими мыслителями. Во время своих поездок и пребывания в Западной Европе его интересовали прежде всего “профессионалы”: государственные деятели, военные, строители, моряки и рабочий люд — шкиперы, плотники, корабельщики, то есть все те, кто мог осуществлять его идеи, а не создавать их. <...> Среди талантливых и энергичных практиков Петр чувствовал себя свободнее, чем среди теоретиков и мыслителей» [23]. (Заметим, что данное суждение весьма дискуссионно и нуждается в проверке. Например, путем сопоставления с историей создания Петром Академии наук.) В конце XVIII века, по мнению Лихачева, настоящими интеллигентами были Сумароков, Новиков, Радищев, Карамзин. В числе интеллигентов назывался Пушкин. *Первое массовое выступление интеллигентов — это декабристское восстание.* Декабристы не только проявили внутреннюю свободу, но и пошли против своих сословных интересов. Характерно, что интеллектуальная свобода помешала декабристам одержать победу. Они не смогли объединиться именно потому, что были интеллигентами. Тогда впервые одновременно и отчетливо проявились и организационная слабость, и духовная, нравственная сила интеллигенции.

Участники дискуссий согласились и с тем, что *интеллигенция в своем генезисе — специфически российское явление. И появилась она как социальный слой изначально в Петербурге.* Философ Моисей Каган остроумно заметил, что этот город оказался не столько «окном в Европу», сколько «воротами из Европы, через которые европейское Просвещение становилось достоянием узкого и медленно расширяющегося слоя

россиян» [24]. Здесь российская интеллектуальная элита впервые испытала не только духовное удовлетворение от приобщения к высотам западной цивилизации, но и острое чувство боли от сознания резкого контраста между обретенным ею уровнем идеалов и ужасающей жизнью простых людей. То есть просвещенные российские интеллектуалы превратились в интеллигенцию под влиянием переживания несправедливости.

При осмыслении происхождения интеллигенции вспоминалось и высказывание Н. А. Бердяева о том, что в русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен «жаждой земной прибыли и земного благоустройства» [25]. Для российского менталитета, в отличие от народов многих других стран, характерна не столько утилитарная, прагматическая, сколько духовно-нравственная направленность доминирующих в общественном сознании ценностей, таких как справедливость, истина, красота, вера, совесть и т. д.

Было отмечено, что с самого начала *российская интеллигенция стала выступать как носитель гражданского и национального самосознания*. Оказалось, что ее интересы не связаны ни с личной выгодой, ни с интересами классов. Интеллигенция — это не класс, не партия, не профессиональное объединение, у нее никогда не было писаного устава, иерархии, формальной организации. Однако русская интеллигенция всегда имела свои собственные символы веры, идущую изнутри дисциплину и традиции. Это — независимое, неформальное движение, одно из проявлений способности россиян действовать без подчинения какому-либо лицу, издающему декреты и налагающему на всех единую волю. Ведущий принцип интеллигенции — служение простому народу. Это не следует понимать буквально, как прислуживание, поскольку у нее всегда есть свой собственный взгляд на общественное благо. Вместе с тем принципиально важно, что интеллигенция всегда была готова жертвовать личным благом ради блага народного, не желая взамен никакой награды, кроме сознания исполненного долга.

Отсюда и особая нравственная позиция интеллигенции, ее чувство гражданской и социальной ответственности, способность мучительно переживать протекающие в обществе процессы, а не замыкаться в границах собственного бытия. Отсюда и представление о ней как о разуме и совести нации.

В целом университетские дискуссии стали формой развития лихачевской концепции интеллигенции. Было выбрано понимание *интеллигенции как явления культуры, результата культурного развития России*. В таком понимании интеллигенция — это одна из вершин развития европейской духовной традиции, явление, сформировавшееся на российской почве закономерным образом. Формирование подобного слоя людей может быть расценено как высочайшее гуманитарное достижение России, своего рода торжество человеческого духа, лежащее в русле

европейского культурного течения. И совершенно не случайно этот особый, в ряде отношений высший «продукт» европейской и (шире) мировой культуры появился, получил развитие именно в Петербурге [26].

В дальнейшем данный подход к феномену интеллигенции был развит в ряде исследований СПбГУП, самым масштабным результатом которых стала монография А. В. Соколова «Поколения русской интеллигенции» [27]. Этот труд содержит огромное количество информации по проблематике интеллигенции и на высоком теоретическом уровне обобщает практически все, что сделано различными исследователями в данном плане.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ: ДВЕ МОДЕЛИ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

В дискуссиях по данной проблематике нередко встречается утверждение, что основная функция (польза для общества) интеллигенции — в вечном оппонировании власти, в оппозиционности. На самом деле это не так. Ведь власть далеко не всегда неправа. В громадном большинстве случаев, даже в сложнейшие периоды истории, она стремится действовать на благо государства. Оппонировать ей во имя оппозиционности непростительно.

Миссия интеллигенции — оппонировать не власти, а злу, в каком бы облике оно ни выступало. Интеллигент — это просвещенный человек, профессионал в своей области, способный быть нравственным примером поведения в любых, даже самых сложных жизненных обстоятельствах. И это — человек светский. Очевидно, что значение интеллигенции возрастает в условиях ослабления религии как нравственного регулятора жизнедеятельности людей и усиления значения гражданского общества. Тогда интеллигенция начинает выступать в роли образцовых граждан, независимых членов гражданского общества, в силу своего особого авторитета усиливающих деятельность его социальных институтов.

В зависимости от поведения власти они могут как поддерживать ее, так и вступать с нею в конфликт.

На практике существует всего два способа построения отношений интеллигенции с властью. Условно их можно назвать «моделью Сахарова» и «моделью Лихачева», хотя эти типы поведения имеют более глубокие исторические корни. Первый строится на бескомпромиссном конфликте интеллигента с властью, когда негативные аспекты ее политики провозглашаются главными, центральными, если не единственными, и на них сосредотачивается все внимание. С властью начинается борьба. Второй тип поведения предполагает в целом лояльность по отношению к власти и концентрацию на критике собственно неправильных ее действий. В этом случае интеллигент выступает в роли добροжелательного советчика.

Сахаров и Лихачев весьма удобны для сравнения. Находясь в одних и тех же исторических обстоятельствах и являясь людьми близких убеждений, они тем не менее действовали совершенно по-разному. При этом оба были признаны обществом фигурами исключительного масштаба и символами интеллигенции. Общественное сознание в годы перестройки поставило их имена в один ряд как двух великих ученых, выступавших в поддержку перемен и воспринимавшихся в широком смысле выразителями классической русской культуры.

Как известно, Андрей Дмитриевич Сахаров добился огромных успехов в физике и был обласкан начальством, удостоен всех возможных наград и почестей за научный вклад в создание атомной бомбы. Затем по идейно-нравственным соображениям он порвал отношения с властью и перешел в ряды ее непримиримых критиков, диссидентов. Это было тем более необычно, что подавляющее большинство диссидентов его времени занимало антисоветские позиции в силу причин практического свойства.

Скажем, Солженицын изначально в «официальную» оппозицию не стремился. Его конфронтация оказалась вынужденной, обусловленной логикой литературного творчества. Под влиянием внутренней потребности он создавал художественные произведения, которые власть не смогла принять, и был вытолкнут ею в оппозицию. С Александром Зиновьевым то же произошло на почве его научной деятельности в сфере философии — идеологической по сути сфере.

В тот же период невольно инакомыслящими стали в глазах общественного мнения, к примеру, Иосиф Бродский и Мстислав Ростропович. Ростропович и Вишневецкая ощущали себя творческими личностями мирового масштаба и хотели вести соответствующий образ жизни, ориентируясь на практику, сложившуюся на Западе. А советские власти им этого не позволяли, из-за чего и разгорелся конфликт. Бродский же вообще не интересовался властью и политикой. Он писал стихи и был человеком «не от мира сего». Чиновникам в силу общей малокультурности это было непонятно и казалось опасным, в результате чего один из талантливейших поэтов XX века был объявлен тунеядцем, подвергнут нелепому и аморальному судилищу и выдворен насильственно из страны.

Наряду с названными фигурами существовала и группа «профессиональных диссидентов», не всегда что-то из себя представлявших в избранных профессиях, но превративших в профессию политическое противостояние власти. Синявский, Буковский, Новодворская — вот фигуры, типичные для данного ряда. Систематическая поддержка их деятельности Западом и отсутствие заметных профессиональных успехов в СССР делали их в глазах общества «агентами врага», своего рода «содержанками Запада».

Сахаров же был личностью совершенно иного рода. Участие в создании ядерного оружия позволяло считать его защитником Родины. В отличие от многих других «инакомыслящих», он не мог извлечь для себя какую-то личную пользу, выгоду от переезда на Запад: носитель оборонных технологических секретов, он ни при каких обстоятельствах не мог там оказаться. К тому же его профессиональная реализация не предполагала конфликта с властью, напротив, всячески ею поддерживалась. Андрей Сахаров стал «узником совести» в чистом виде, великим узником совести. С Сахаровым можно было не соглашаться по сути его претензий к власти, ему можно было не симпатизировать, но данная ситуация обусловила его громадный нравственный авторитет.

Разумеется, диссидентское движение было весьма разнородным, и его в принципе неправомерно отождествлять с деятельностью интеллигенции. Академик Сахаров же продолжил именно ее традиции. В этом смысле уместно сопоставлять его деятельность с Радищевым, декабристами, Герценом, Чернышевским. Большую пищу для размышлений представляет сравнение Сахарова и с такими феноменами отечественной истории, как народовольцы и марксисты (в особенности — Плеханов, Ленин).

Традиция открытого противостояния власти, возрожденная Сахаровым, прерывалась в 1920-е годы в силу физического уничтожения огромной части интеллигенции. Об этом замечательно пишет Д. С. Лихачев: «Русская интеллигенция в целом выдержала испытание нашим “смутным” временем. <...> Мужество русской интеллигенции, десятки лет сохранявшей свои убеждения в условиях жесточайшего произвола идеологизированной советской власти и погибавшей в полной безвестности, меня поражало и поражает до сих пор. Преклоняюсь перед русской интеллигенцией старшего, уже ушедшего поколения. Она выдержала испытания красного террора, начавшегося не в 1936-м или 1937 году, а сразу же после пришествия к власти большевиков.

Чем сильнее было сопротивление интеллигенции, тем ожесточеннее действовали против нее. О сопротивлении интеллигенции мы можем судить по тому, какие жестокие меры были против нее направлены, как разгонялся Петроградский университет, какая чистка происходила в студенчестве, сколько ученых были отстранены от преподавания, как реформировались программы в школах и высших учебных заведениях, как насаждалась политграмма и каким испытаниям подвергались желающие поступить в высшие школы. <...>

Можно было бы привести пример сотен и тысяч ученых, художников, музыкантов, которые сохраняли свою духовную самостоятельность или даже активно сопротивлялись идеологическому террору — в исторической науке, литературоведении, в биологии, философии, лингвистике и т. д. За спинами главарей различного рода разоблачительных кампаний стояли толпы полузнаек, полунинтеллигентов, которые осуществляли

террор, прихватывали себе ученые степени и академические звания на этом выгодном для них деле» [28].

И еще: «Русская интеллигенция вступила в эпоху Красного октября закаленная в своем сопротивлении царскому правительству. <...> Два парохода понадобились осенью 1922 года (“Пруссия” и “Бургомистр Хаген”), чтобы вывезти из России только ту часть интеллигенции, против которой не могли быть применены обычные меры ввиду ее обще-европейской известности» [29].

Будучи органично связанным с интеллигенцией всем своим происхождением и жизнью, Лихачев избрал дореволюционную российскую интеллигенцию примером для саморазвития и сознательно сформировал себя по ее образу и подобию. Его взгляды и принципы были осмыслены, воплощены на практике и выстраданы. Но в России времен Лихачева на протяжении почти всей его жизни открытое противостояние власти означало превращение в «лагерную пыль». Он уцелел, изобретая и воплощая в повседневность свои формулы противостояния.

Конфликтность взаимоотношений Дмитрия Лихачева с советской властью была заложена уже в самом факте его «классового» происхождения. Личность, сформированная старой русской культурой, Лихачев был наглядно выраженным «старорежимным» человеком, вышедшим из дореволюционной дворянско-интеллигентской среды и сохранившим верность ее духовно-нравственному кодексу. Один из сослуживцев отмечал, что неприятие властью Лихачева, как и других интеллигентов, было «вне пределов рационального вообще. Это было рефлексом, звериным чутьем на несходство» [30].

Недоброжелатели упрекали Лихачева в приспособленчестве, в том, что он остался жив. Но смысл жизни для большинства людей вовсе не обязательно заключается в борьбе с властью и в политической жизни. Есть и другие ценности: радость семьи, удовольствие от работы, наслаждение познанием — все то, что составляет повседневный смысл жизни человека. Видимо, Дмитрий Сергеевич был по натуре в первую очередь созидателем: «Он потерял почти десять лучших лет жизни из-за ареста и Соловков, но уже в 1941 году, живя в жуткой коммунальной квартире, в одной комнате с маленькими детьми, с одним краном с холодной водой на кухне, с проституткой за стенкой, защитил кандидатскую диссертацию. А потом — война, блокада, вынужденная — по требованию НКВД — эвакуация в Казань, и уже в 1947 году он защитил докторскую» [31], — рассказывает его дочь. «Для самого деда вопроса эмиграции не существовало — он мог жить только в России, на голодной, больной, истерзанной, но родной земле» [32], — дополняет этот рассказ внучка.

Даже занимаясь древнерусской литературой, Д. С. Лихачев постоянно чувствовал себя в опасности. Л. М. Лотман вспоминала: «Постоянная

готовность превратить спор или литературную полемику в политические обвинения и обилие “доброхотов”, готовых сфабриковать такое обвинение, угнетали. <...> Д. С. сказал мне однажды: “Чувствуешь себя как в оккупации”» [33].

Но решающее значение имел конфликт Д. С. Лихачева с властью в сфере нравственности. Внучка ученого вспоминает: «Постепенно мир становился откровенно раздвоенным. В школе рассказывали про Павлика Морозова — дома дед сообщал, что такого персонажа не было в помине. По телевизору показывали фильм о Чапаеве — дед с отвращением передавал воспоминания своего учителя Аничкова о том, как красный герой лично и с особой жестокостью расстреливал пленных офицеров. Что касается Байкало-Амурской магистрали, то как раз от деда я впервые услышала о том, что ее начали строить заключенные еще в тридцатые годы» [34].

Между тем профессиональные достижения Д. С. Лихачева превращали его в крупную общественную величину. Своим новым положением Дмитрий Сергеевич распорядился своеобразно. Даниил Гранин обратил внимание на то, что интеллигентная скромность быта была одной из важнейших черт стиля жизни академика: «Он не был аскетом, любил удобства, комфорт. Но не считал для себя возможным пользоваться этим, особенно в наше время. Скромная городская квартира, в которой он жил, тесная по современным понятиям для ученого мирового класса, была завалена книгами. Он принимал иностранных гостей со всего мира в маленьких комнатухах в Комарове. Никогда не стеснялся, не считал, что должен иметь какие-то просторные апартаменты. И это сегодня, когда азийотаж, азарт стяжательства, тяга к богатству охватили все слои общества. <...> Стиль жизни Лихачева — вызов интеллигента всему обществу приобретателей» [35]. Но был и другой вызов в поведении Лихачева той поры. Он широко использовал возможности, открывавшиеся по мере его научного и общественного признания, для помощи тем, кто в этом нуждался.

Видимо, противостояние власти — это искусство возможного. Лихачев искусно сочетал в подобном противостоянии, с одной стороны, взаимно противоречивые черты прагматика и идеалиста, с другой — человека высокоинтеллектуального и творческого одновременно. И ему удалось буквально пройти по грани бытия и небытия. Не случайно зоркий и внимательный к нюансам жизни Даниил Гранин как-то заметил, что Дмитрий Сергеевич уцелел потому, что был умен и осторожен.

Если иметь в виду общественную деятельность, то прежде всего Д. С. Лихачев выступал в защиту культуры и природы. Филолог Илья Серман вспоминает: «...как только появилась возможность свободного проявления его личных, человеческих качеств, Дмитрий Сергеевич выпрямился во весь рост» [36]. А Даниил Гранин сравнивает Дмитрия Сергеевича с Сизифом, продолжающим толкать свой камень. И цитирует личные беседы, когда академик говорил ему: «Даже в случаях

тупиковых, когда все глухо, когда Вас не слышат, будьте добры высказывать свое мнение. Не отмалчивайтесь, выступайте. Я заставляю себя выступать, чтобы прозвучал хотя бы один голос. Пусть люди знают, что кто-то протестует, что не все смирились» [37].

В 1991 году, когда группа государственных деятелей Советского Союза ввела чрезвычайное положение, академик выступил с резким протестом. 20 августа, во второй день ГКЧП, на Дворцовой площади, выступая перед 400-тысячной аудиторией, Д. С. Лихачев сказал: «Не поддавайтесь на лицемерие так называемых руководителей — руководителей заговора... Кто из захватчиков власти в прежние времена не клялся народу его интересами? Не верьте этому. Потому что интересы народа они могли защищать гораздо раньше. Они отвечали за положение в стране, у них и так была власть» [38]. Безусловно, такое выступление требовало мужества. Тогда никто не знал исхода борьбы за власть.

Джеймс Х. Биллингтон отмечал: «В каком-то смысле он был последним великим представителем высокой культуры старого Петербурга. Но в то же время россияне все больше и больше видели в нем новое воплощение вечного исторического явления — голоса совести, говорящего правду властям. <...> В свойственной ему мягкой, но решительной манере он защищал цельность и одновременно разнообразие российской культуры, неустанно подчеркивая ее способность стать преобразующей силой в обществе...» [39].

Существенно, что Дмитрий Сергеевич не воспринимался российским обществом как политик. Он никогда не стремился к власти. Влияние Лихачева, по сути, было влиянием именно нравственным. Д. А. Гранин заметил: «Его присутствие мешало идти на сделки со своими слабостями» [40]. И еще: «Лихачев был бойцом-одиночкой. Борьбу со злом всегда начинал один, не ожидая подкрепления. В его распоряжении не было ни партии, ни движения. Не было и влиятельной должности, вертушек. В его распоряжении была лишь моральная репутация, авторитет. Правда» [41].

Д. А. Гранину принадлежат интереснейшие высказывания о «модели Лихачева»: «Дмитрий Сергеевич вел себя тихо, пока его мнение не имело для общества и для власти особого значения. Он работал, старался быть незаметным и беспокоился о собственной совести, о душе, желая максимально уклониться от любого, даже малейшего, участия в контактах с властью, тем более — от участия в ее неблагоприятных делах. Спорить с властью, действовать публично на пользу общества Лихачев начал практически сразу, как только получил достаточный общественный статус, как только почувствовал свой вес, понял, что с ним стали считаться» [42]. И там же: «Наверное, в разные эпохи, в разные исторические моменты страна получает разную власть. Когда-то власть более справедлива, когда-то менее. Когда-то она совершает больше ошибок, когда-то

меньше. Но “эра милосердия” пока остается лишь утопией. А это означает, что перед каждым новым поколением порядочных людей и перед каждым порядочным человеком в отдельности снова и снова будут вставать те же вопросы, примеры решения которых нам дал своею жизнью Дмитрий Сергеевич Лихачев» [43].

Судьба предоставила академику Лихачеву скорбную возможность высказать, что его больше всего привлекало в А. Д. Сахарове. Это произошло в Лужниках на митинге, посвященном кончине Андрея Дмитриевича: «Один праведник может оправдать существование целого народа — вот так, слегка перефразируя библейское изречение, я хотел бы сказать об Андрее Дмитриевиче Сахарове. <...> Он один говорил от лица всех нас. Он спас и сохранил нашу честь и достоинство, подав голос в защиту людей, преследуемых властями, для которых инакомыслие было тягчайшим государственным преступлением. <...> Не знаю, что стало бы с нашим обществом, куда бы оно сегодня зашло, если бы не то незаметное влияние, которое оказывал тихий глуховатый голос Андрея Дмитриевича на страну. <...> В сущности, Сахаров никогда не стремился поразить оригинальностью взглядов, высказать что-то такое, чего не смог бы сказать никто другой. Он всегда говорил и писал о простых человеческих истинах, которые в свободной, демократической стране воспринимаются как нечто совершенно естественное, обыденное. Но в государстве, где обыкновенному человеку запрещено говорить обыкновенные вещи, они, высказанные вслух, становились откровением. Не исключительность, а обыденность тех истин, которые отстаивал Андрей Дмитриевич Сахаров как политик, потрясала людей. Потому что, когда в изолированном обществе один человек говорит правду, каждое сказанное им слово обретает особый смысл. <...> Он был предельно искренен и естественен во всех своих поступках, в любой ситуации оставаясь самим собой. Отсюда необычайная сила его воздействия на людей. Отсюда — громадность его личности, оказавшейся сильнее всех “обстоятельств времени”. <...> Все в его жизни было удивительно закономерно, а сам он явился выразителем оставшейся честной части России» [44]. Эти слова удивительно применимы к самому Дмитрию Сергеевичу Лихачеву. Оба выдающихся россиянина по-своему выполняли одну и ту же функцию интеллигенции — нравственного противостояния злу.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Какая модель поведения интеллигента является более целесообразной, полезной обществу, более интеллигентной: Сахарова или Лихачева? Наиболее интересные размышления на эту тему принадлежат Даниилу Гранину.

По мнению писателя, имеют право на существование и нужны обе. «Художники старались как-то гуманизировать власть, делать ее

более человеческой. Такое стремление было, допустим, и у Державина, да и у Пушкина. Да и мы тоже стараемся. Вот я был членом Президентского совета, меня Ельцин пригласил. Мы тоже старались, объясняли ему. Но власть все равно считает, что она лучше знает, как править и что будет лучше для народа, а мы, интеллигенция, своими советами только мешаем ей. У власти всегда было пренебрежительное отношение к интеллигенции: она и гнилая, и путается под ногами. <...> Гёте был тайный советник в Веймаре, при маленьком дворе. У Эккермана в “Разговорах с Гёте” есть замечательная сцена: идут Гёте и Бетховен, беседуют. Навстречу им императорская фамилия. Гёте отошел в сторону и поклонился, а Бетховен двинулся в самую гущу сановной толпы. Поведение Бетховена мне всегда было симпатичнее. Но у Гёте была своя правда. Он старался что-то сделать и многого добился. Так что у меня отношение к власти такое: с властью приходится считаться, власть иногда хочется и убеждать, и в чем-то поправлять. Это редко дает результаты, но все-таки иногда дает... Я не конфликтный человек, я писатель, а это главное. Либо надо конфликтовать, превратиться в диссидента, либо писать и работать. Но душа все-таки не может мириться с глупостями, безобразиями, гадостями, с враньем, иногда душа возмущается» [45].

С одной стороны, проблема личности и власти — это проблема не только интеллигенции, но и всех порядочных людей, которые нетерпимы не к власти как таковой, а к несправедливости, исходящей от власти. С другой стороны, традиционный конфликт между интеллигенцией и властью имеет глубинную природу: «В 30-е годы Мандельштам написал такие строчки: “Власть отвратительна как руки брадобрея”. Сегодняшней молодежи это трудно понять. А в то время процедура бритья содержала ныне исчезнувшие, но при старой технологии не совсем приятные моменты: стремясь выбрить клиента как можно чище, брадобрей мог взять его за нос, оттянуть щеку или залезть пальцами в рот. Делалось это во имя клиента, но... отвратительно. Вот так и с властью. Власть невозможна без насилия и уже этим отвратительна. Отвратительна и неизбежна. Интеллигенция чувствует это лучше, чем кто-либо. Отсюда и противостояние» [46].

Поскольку власть необходима и неизбежна, в условиях авторитарности прямая и открытая конфронтация с ней имеет смысл только в особых случаях — как крайняя форма протеста. Такова российская традиция, уроки отечественного опыта. Роль интеллигенции в этой связи — не столько в прямом и открытом противостоянии власти, сколько в повседневной систематической работе в пользу повышения нравственности, гуманизации власти и общества.

Интеллигенция — не анархист по своей сути и не является противником власти как таковой. Профессор Женевского университета Ж. Нива

вспомнила, как Лихачев излагал свои взгляды по данному вопросу: «государство не должно быть идеологизированным, но оно и не должно быть слабым (как сегодня). Оно должно медленно, мирно уходить. И все понимали, что уход этот должен сопровождаться ростом красоты, гармонии, культуры, словом, Царства Божиего» [47].

Характерно для интеллигента и высказывание Лихачева, датированное июнем 1994 года: «Демократия без нравственности — абсурд. Переходный период, который всегда во всех странах несет в себе некоторую хаотичность, требует от людей государственных высокой и очень чуткой нравственности. Административная мораль — вот чего нам не хватает после семидесяти пяти лет систематического нарушения нравственных норм. <...> А в безнравственном обществе никакие экономические законы не действуют. И все распоряжения гаснут. Распоряжения президента, правительства не выполняются безнравственными людьми» [48].

Видимо, естественная для интеллигенции сфера деятельности — это не политика, осуществление властных полномочий и так далее, а культура (в широком смысле) и мораль. Интеллигенция — это своего рода хранитель культурного кода нации и генератор будущего (в теории культурного развития будущее рассматривается как проекция прошлого). То есть интеллигенция — это культурная элита. Зона ее ответственности — национальное самосознание, в особенности — нравственные аспекты.

В теории общественного развития регуляторы жизни социума подразделяются на жесткие и мягкие. Жесткие — это закон и меры по обеспечению его соблюдения. Мягкие — общественное мнение, мораль, нравственность, неформальная деятельность по поддержанию системы ценностей как фундамента общественного развития.

В этой связи интеллигенция может оппонировать не только власти, ее несправедливым действиям или бездействию, не только критиковать пороки той или иной социально-экономической системы, не только бороться за утверждение в жизни общества и государства важнейших, по ее мнению, ценностей — объектом ее поддержки или протеста могут быть самые разные социальные институты, конкретные предприятия, граждане, проекты, концепции, идеи, образы поведения, поступки и т. д.

В поле зрения интеллигенции неизбежно попадают любые культурные явления и элементы, имеющие значение для общественного развития.

В связи с этим интеллигенция в России выступает в роли неформального социального института, дающего оценку новациям. Как известно, новое и общезначимое являются диалектически взаимосвязанными противоположностями [49]. Если какое-то явление по-настоящему новое, оно не может мгновенно быть признано сразу всем обществом. Первоначально оно отвергается существенной частью граждан и постепенно утверждает себя в ходе апробации, борьбы за общественное мнение.

Когда же борьба за утверждение нового завершается, новое становится общезначимым, но перестает быть новым.

Роль своеобразного «полигона» для апробации новых явлений культуры отводится в современном обществе чаще всего молодежи, так называемой «молодежной культуре» — феномену культурного развития, заявившему о себе в полной мере в последней трети XX века. В последние десятилетия роль «собираателя новаций» все в большей степени выполняют СМИ, движимые стремлением удивить публику и удержать внимание массовой аудитории. Интеллигенция же претендует на сохранение роли своего рода ценителя новаций с точки зрения их соотношения с традиционными ценностями культуры и пользы для ее развития.

В современном обществе интеллигенция — одновременно хранитель старого и творец нового. В культуре всегда закладываются различные ростки для будущего. Они могут быть незаметны современникам, не попадать в фокус их внимания, но составляют особый пласт культуры. Академик В. С. Степин полагает, что техногенная цивилизация, возникшая на Западе с эпохи Ренессанса, особо тщательно культивирует этот пласт: «Идеи, которые адресованы будущему, формируют особый слой людей, которые только ими и занимаются, и публика эта называется <...> интеллигенцией. Ее задача — изобретать программы на будущее» [50].

В этой связи интеллигенция становится хранителем своего рода «генетического кода» техногенной культуры, потому что базовые ценности этого кода — творчество, наука, свобода мысли, новации. Развивая эту точку зрения, В. С. Степин обращается к работам эстонского академика советского времени Г. И. Наана: «в обществе должно быть, как в организме, два механизма. Один механизм, который воспроизводит социальную жизнь и определяет устойчивость, охраняет уже сложившиеся нормы — это бюрократия. Механизм, который обеспечивает развитие, движение вперед, заготавливает программы будущей жизнедеятельности — это <...> интеллигенция. И всегда между ними есть борьба. По функциям они разделены» [51].

История России XX века дала нам немало число примеров деятельности интеллигенции, которыми можно гордиться. Писатель Даниил Гранин и поэт Андрей Вознесенский, ученые Абрам Иоффе, Петр Капица, Юрий Лотман, Николай Платэ, Наталья Бехтерева, Леонид Абалкин, Николай Скатов, Абдусалам Гусейнов, кинорежиссер Михаил Ромм, музейные работники Борис и Михаил Пиотровские, артист Олег Басилашвили... Список этот огромен.

Самым знаменитым российским интеллигентом в мире стал, очевидно, Александр Солженицын. По мнению «Вашингтон пост», он был «титаном из прошедших времен, презиравшим границы человеческих возможностей и природных сил. Он жил в мире этических максим,

непоколебимых ценностей, духовной дисциплины и жертвенной преданности» [52]. Английская «Файнэншл таймс», в свою очередь, писала, что «западный мир прославил его и наградила Нобелевской премией по литературе, а многие в родной России объявили его предателем. Однако столь же жестко, как и жестокость и коррупцию своей родной страны, Солженицын критиковал Запад, где прожил двадцать лет, за материализм и развращенность. Вспомним, что в 1987 году, в самый разгар “холодной войны”, в своем знаменитом обращении к Гарвардскому университету он выступил против “разрушительной и безответственной свободы” жизни на Западе, в том числе против “чрезмерного и обременяющего потока информации” из СМИ; он осудил мирное соглашение, заключенное США во Вьетнаме, и отверг любые идеи о насаждении “западной модели” в России вместо коммунизма» [53]. В то же время в нашей стране делали свое дело сотни тысяч менее известных, но не менее настоящих интеллигентов: учили школьников и студентов, лечили детей и стариков, проектировали оборудование, совершали научные открытия...

В постперестроечный период общественный статус интеллигенции резко упал. Как наиболее креативная часть населения, интеллигенция не только чаще других критикует власть, но и предлагает ей свои идеи для улучшения различных ситуаций. Вне зависимости от качества идей их реализация, как правило, сопровождается множеством негативных последствий, вина за которые обычно возлагается на ту же интеллигенцию. И этот процесс воспроизводится с удручающей обществу цикличностью.

Огромный ущерб авторитету интеллигенции наносят и «образованцы», ищущие при любом строе почестей, денег и власти. Их деятельность также регулярно служит основанием для критики интеллигенции. Примерами беспринципного и безнравственного поведения известных представителей творческой элиты являются события последнего времени в Союзе кинематографистов России и некоторых других творческих союзах, деятельность создателей ряда современных телепроектов, разворовывание ректорами некоторых вузов подведомственной собственности и распродажа бюджетных студенческих мест. Не менее дискредитируют интеллигенцию и написание учеными научных диссертаций на заказ, очернительские пиаровские кампании в прессе, реализуемые за взятки, псевдонаучные проекты «рыночного» регулирования экономики, реорганизации российских академий наук и системы образования, создаваемые по заказу чиновников, поддержка губительных для Петербурга архитектурных проектов. Современные высокообразованные интеллектуалы в погоне за наживой создают аморальные художественные произведения, вырабатывают опаснейшие для жизни людей решения, порождающие техногенные катастрофы, загрязняют окружающую

среду, организуют поборы в медицине, принимают попирающие законы судебные решения и т. д.

В последние 15–20 лет интеллигенция была отодвинута на задворки общественного развития, пребывала в растерянности. В настоящее время все же наблюдается заметный рост ее активности. Особое беспокойство интеллигенции вызывают коррупция и связанная с нею неэффективность отечественной экономики, провал реформ, затеянных властью в последние годы, в том числе — в форме национальных проектов, расшатывание нравственных устоев общества средствами массовой информации. Эта обеспокоенность не имеет политического вектора развития. Видные деятели науки, культуры, искусства, образования практически непрерывно обращаются к руководству страны с призывами изменить курс развития. Другая форма повышения активности — публикация интеллигенцией различных материалов из сфер своей профессиональной деятельности, свидетельствующих о неблагополучии в стране.

Власть либо не реагирует на эту активность, либо отвечает популистскими акциями, широко освещаемыми СМИ. Возможно, в настоящее время Россия находится в начале нового витка противостояния между интеллигенцией и властью. Что же следует делать интеллигенции в этой ситуации? Видимо, то же, что и обычно — выполнять свой гражданский долг в меру возможностей и разумения.

Примечания

1. *Соколов А. В.* Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории. СПб. : СПбГУП, 2007. С. 3.

2. *Колоницкий Б. И.* Идентификация русской интеллигенции и интеллигентофобий (конец XIX — начало XX века) // Интеллигенция в истории. Образованный человек в представлениях о социальной действительности. М. : ИВИ, 2001. С. 150–170.

3. *Струве П. Б.* Избранные сочинения. М. : РОСПЭН, 1999. С. 272.

4. *Стеклов В. А.* Переписка с отечественными математиками : воспоминания. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1991. С. 285.

5. *Горький М.* Страницы творчества : кн. для чтения с коммент. М. : Рус. яз., 1991. С. 213.

6. Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 1998. С. 395.

7. См.: *Соколов А. В.* Поколения русской интеллигенции. СПб. : СПбГУП, 2009. С. 74.

8. Новый мир. 1993. № 2. С. 3–9.

9. Там же. С. 4.

10. *Лихачев Д. С.* О русской интеллигенции // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб. : СПбГУП, 2006. С. 371.

11. Новый мир. 1993. № 2. С. 4
12. См., например: Судьба российской интеллигенции : сб. СПб. : СПбГУП, 1999 ; *Запесоцкий А. С.* Культурология Дмитрия Лихачева. СПб. : СПбГУП, 2007. Ч. III, разд. 3.1. С. 189–201.
13. *Солженицын А. И.* Образованщина // Новый мир. 1991. № 5. С. 28–46.
14. *Чулаки М. М.* Литература оказывает огромное влияние на власть // Судьба российской интеллигенции. С. 19.
15. *Карлов Н. В.* Интеллигенция и образование // Там же. С. 37.
16. *Моисеев Н. Н.* Государство, народ, интеллигенция // Там же. С. 44.
17. Там же.
18. *Бестужев-Лада И. В.* Есть ли будущее у интеллигенции // Там же. С. 64.
19. Цит. по: *Лихачев Д. С.* О русской интеллигенции. С. 372.
20. Там же.
21. См.: *Запесоцкий А. С.* Анатолий Собчак: миссия исчерпана. СПб. : СПбГУП, 2007. С. 7–8.
22. *Лихачев Д. С.* Интеллигенция — интеллектуально независимая часть общества // Судьба российской интеллигенции. С. 32.
23. *Лихачев Д. С.* О русской интеллигенции. С. 379.
24. *Каган М. С.* Образованные люди с больной совестью // Судьба российской интеллигенции. С. 80.
25. *Бердяев Н.* Русская идея. Судьба России. М. : Сварог и К°, 1997. С. 236.
26. См. подробнее: *Лихачев Д. С.* Петербург в истории русской культуры : акт. лекция, прочит. академиком РАН Д. С. Лихачевым 19 мая 1993 г. в день вручения ему диплома и мантии Почетного доктора СПбГУП. СПб. : СПбГУП, 1994.
27. *Соколов А. В.* Поколения русской интеллигенции.
28. *Лихачев Д. С.* О русской интеллигенции. С. 377.
29. Там же.
30. Дмитрий Лихачев и его эпоха. Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии / сост., отв. ред., авт. пер. Е. Г. Водолазкин. СПб. : Logos, 2002. С. 9–10.
31. Там же. С. 31.
32. Там же. С. 36–37.
33. Там же. С. 82.
34. Там же. С. 38.
35. Там же. С. 388.
36. Там же. С. 92.
37. Там же. С. 383.
38. [Пресса Ленинграда в дни путча, 19–21 авг. 1991 г.] URL: <http://agitclub.ru/gorby/putch/leningrad19.htm> (дата обращения: 26.11.2010).
39. *Биллингтон Дж. Х.* [Программа «Открытый мир» — живая память об академике Лихачеве] // Открытый мир : информ. бюл. 2006. Весна. Вып. 2. С. 3.
40. *Гранин Д. А.* Наша печаль, наша любовь // Там же. С. 4.
41. Там же.
42. *Гранин Д. А.* Против власти // Огонек. 2007. № 52. С. 8–9.
43. Там же.

44. *Лихачев Д. С.* Он спасал нашу честь. Слово об А. Д. Сахарове : [произнесено в Лужниках на митинге, посвященном кончине А. Д. Сахарова] // Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб. : Logos, 2001. С. 641–643.

45. *Гранин Д. А.* Человека иногда надо ставить в тупик // Огонек. 2008. № 38. С. 35.

46. *Гранин Д. А.* Против власти. С. 8–9.

47. Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 202–203.

48. Не бывает демократии без нравственности / беседу с Д. С. Лихачевым вел А. Романенко // Российская газета. 1994. 11 июня. С. 42.

49. См.: *Пигров К. С.* Научно-техническое творчество : социал.-филос. анализ : автореф. дис. ... д-ра филос. наук (09.00.01) / ЛГУ. Л., 1985.

50. Цит. по стенограмме: круглый стол «Куда идет российская культура?». 27 июня 2009 г., Санкт-Петербург.

51. Там же.

52. *Liptan M.* On Mission for Russia // The Washington Post. 2008. 5 Aug.

53. A constant critic // The Financial Times. 2008. 4 Aug.

ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ: ЛИЧНОСТЬ И ВЛАСТЬ*

Проблема взаимодействия личности и власти является одной из самых болезненных, трудных для русской интеллигенции. Думается, Дмитрий Лихачев не был в данном плане исключением. Напротив, его взаимоотношения с властью представляют сегодня интереснейший материал для осмысления этой темы.

Необходимость обращения к данной теме стала очевидной в ходе научной сессии Отделения историко-филологических наук РАН, состоявшейся в Москве 20 декабря 2006 года. Сессия была посвящена 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. Среди докладов особняком стояло выступление С. О. Шмидта. Оно содержало один неоправданно резкий, но весьма любопытный пассаж, побуждающий к размышлениям. Шмидт обрушился с критикой на Ю. В. Зобнина, обвинив этого выдающегося филолога, ученика и коллегу Лихачева ни много ни мало в использовании текстов своего учителя *«неблаговидно для памяти Лихачева»* [1].

Поводом для этого выпада послужил фрагмент текста Зобнина, процитированный Шмидтом по университетскому журналу «Очень^{UM}»: *«...если государство начнет давить интеллигенцию, получится катастрофа, поэтому от “государственных объятий” нужно уклоняться, но напрямую с ним не конфликтовать. Должна быть внутренняя свобода, “тайная свобода”»*. Особое негодование Шмидта вызвал итоговый вывод Зобнина: *«То, что говорил Лихачев, очень похоже на слова леди Макбет: “Кажись цветком и будь змеей под ним”*. И тогда интеллигенция вновь будет в своей стихии. Страшновато звучит, но, если вдуматься, это правда» [2].

Прочитовав Зобнина, его критик заключил: *«Не говоря о том, что леди Макбет отнюдь не положительный образ у Шекспира, суждения эти противоречат всем нравственным установкам Лихачева»* [3].

По сути нравственных установок академика Лихачева спор этот представляется весьма интересным.

Разумеется, пересказ профессором Зобниным размышлений Дмитрия Сергеевича о действиях интеллигенции является вольным. Это — не строгое цитирование, а именно пересказ своими словами. Да и сравнение интеллигента со змеей кажется не самым удачным. Даже если

* Печатается по тексту статьи в журнале «Континент» (2007): см. № 82 Библиографического указателя.

вспомнить, что змея в культуре многих народов выступает символом мудрости. Но главное все же не в этом.

По Лихачеву, интеллигент должен быть вместе с властью, когда она вершит добрые дела, и решительно противостоять ей, когда творится зло. Но власть — это сила, причем чаще всего беспощадная. Вот почему вопрос о способах, путях противостояния злу на практике в повседневной жизни приобретает нередко трагическое звучание. В России времен Лихачева, на протяжении почти всей жизни Дмитрия Сергеевича, открытое противостояние власти означало превращение в «лагерную пыль». Сам он уцелел, изобретая и воплощая в повседневность свои формулы противостояния. Так что, по сути дела, думается, прав был профессор Зобнин.

Но в этой точке размышления над диалектикой взаимоотношений личности и власти должны лишь начинаться. Был ли Дмитрий Сергеевич антисоветчиком, антикоммунистом, диссидентом? Что объединяло его с фигурами типа Андрея Сахарова, Александра Зиновьева, Александра Солженицына и что от них отличало?

По всей видимости, определенная конфликтность взаимоотношений Дмитрия Лихачева с советской властью была заложена уже в самом факте его «классового» происхождения. Один из видных отечественных филологов, сотрудник Отдела новой русской литературы Пушкинского Дома А. В. Лавров вспоминает, что Д. С. Лихачев был наглядно выраженным «старорежимным» человеком, вышедшим из дореволюционной дворянско-интеллигентской среды и сохранившим верность духовно-нравственному кодексу этой среды. По мнению Лаврова, через десятилетия владычества «нового человека», который принуждал других жить по собственным стадным понятиям, Д. С. Лихачев прошел, *«не утратив своего исконного существа, которое сказывалось в мельчайших деталях поведения, в манере разговаривать, во всем тоне личности»* [4].

Личность, сформированная старой русской культурой... Многих это в Лихачеве восхищало и привлекало. Профессор Московского и Венского университетов, филолог С. С. Аверинцев вспоминал: *«Для меня Дмитрий Сергеевич был прежде всего последним представителем культурной формации, знакомой по старым книгам, но в его лице являвшейся с повсечасной естественностью. Это делало общение с ним для меня особенно ценным, это же подчас стимулировало невозможность согласиться: одно было связано с другим. Я сам, впервые причувившись читать на отцовских книгах, все больше с ятями да фитами, с юных лет привык считать себя существом скорее палеонтологическим, однако перед ним чувствовал, до чего я поздний. В нем было вправду естественно то, что было бы несносным стилизаторством в другом; он по праву законного наследника завершал путь целого культурного круга»* [5].

Но восхищало и привлекало это далеко не всех. Многими он не мог восприниматься как свой, более того, раздражал и вызывал ненависть, примерно как профессор Преображенский у Швондера в булгаковском «Собачьем сердце». Малообразованной, малокультурной частью нового начальства, — а таких было подавляющее большинство, — Лихачев воспринимался как чужеродное явление. Один из сослуживцев Дмитрия Сергеевича отмечал, что неприятие Лихачева, как и других интеллигентов, властью было *«вне пределов рационального вообще. Это было рефлексом, звериным чутьем на несходство. Так по особенностям шороха кустов волк безошибочно определяет оленя. Советская власть слушала даже не столько то, что сказано, сколько то, как...»* [6].

Таким образом, можно сказать, что первый конфликт Д. С. Лихачева с властью был культурно-социальным.

По всей видимости, и Дмитрию Лихачеву было непросто полюбить новый режим. Его внучка З. Ю. Курбатова вспоминала, что Лихачев называл революцию «несчастьем», разрушившим прекрасный мир: *«Все было нарядно, логично и счастливо в дореволюционной России, как говорил дед, “до несчастья” — у меня не было сомнений в этом, как и в том, почему прекрасный мир однажды разрушился»*. И далее: *«Фотографии запечатлели красавца-инженера в форменной фуражке, строго смотрящего на потомков через чеховское пенсне. Прадедушка был главным инженером Печатного двора, много зарабатывал, получал даже царские подарки... После “несчастья” жизнь его резко изменилась: понижение по службе, боязнь ареста, “уплотненная квартира”. Дедушка Митя при всей своей сдержанности и нежелании рассказывать о семейных несчастьях очень страдал из-за положения отца при советской власти: бывший щеголь стал одеваться, как рабочий, и — самое ужасное — выпивать с пролетариями, чтобы казаться “своим”. Дедушка был очень привязан к отцу...»* [7].

Многие с удовольствием сделали бы из Лихачева антисоветчика. Фазиль Искандер предложил однажды свое объяснение долголетия Лихачева: Дмитрий Сергеевич поставил себе задачу пережить советскую власть — и пережил ее. Разумеется, это была шутка, но шутка, отражавшая некий общественный взгляд.

Думается все же, что реальность была намного сложнее. Бывает ли вообще власть, к которой у думающей личности нет совершенно никаких претензий? Что делать человеку? Пытаться повлиять на власть, воевать с ней, сокрушить ее? Или покинуть Родину, оказаться в чужой жизни, под той властью, которая тебя не волнует, потому что она чужая?

Но есть и третий путь, он может быть выражен шекспировской формулой: «Все мерзостно, что вижу я вокруг... Но как тебя покинуть, милый друг!» Под другом здесь можно понимать свою семью, друзей, любимый город и любимую работу, свою страну. Если всем интеллигентам

непрерывно воевать с властью и исправлять ее пороки, то кто будет учить детей, лечить стариков, проектировать мосты и дороги, заниматься научными исследованиями?..

Недоброжелатели упрекали Лихачева в том, что он остался жив, не взмошел, так сказать, на баррикады. Но смысл жизни для нормальных людей вовсе не обязательно заключается в борьбе с властью и в политической активности. Есть и другие ценности: радость семьи, удовольствие от работы, наслаждение познанием — все то, что составляет повседневное содержание жизни человека. Видимо, Дмитрий Сергеевич был по натуре в первую очередь созидателем: *«Он потерял почти десять лучших лет жизни из-за ареста и Соловков, но уже в 1941 году, живя в жуткой коммунальной квартире, в одной комнате с маленькими детьми, с одним краном с холодной водой на кухне, с проституткой за стенкой, защитил кандидатскую диссертацию. А потом — война, блокада, вынужденная — по требованию НКВД — эвакуация в Казань, и уже в 1947 году он защитил докторскую»*, — рассказывает Людмила Дмитриевна Лихачева [8]. *«Для самого деда вопроса эмиграции не существовало — он мог жить только в России, на голодной, больной, истерзанной, но родной земле»*, — дополняет этот рассказ З. Ю. Курбатова [9].

Даниил Гранин заметил, что судьбу Дмитрия Сергеевича можно изобразить как цепь репрессий: *«Одна несправедливость следует за другой. А кроме того, ужасы ленинградской блокады, эвакуации, семейные потери. Несчастья настигали его, но не они определяли его облик»*. По мнению Гранина, тяжкие испытания не лишили Лихачева благородства, напротив: *«За многие годы нашего общения я не помню, чтобы он кого-то поносил, кому-то завидовал, льстил властям, искал компромиссов, даже во имя “интересов дела”*. Когда-то его ожесточенно преследовали ленинградские власти, старались уничтожить и морально, и физически. Ему подожгли квартиру. Его избili в подъезде его дома. Он не искал примирения. Между прочим, он об этом не рассказывает ни в воспоминаниях, ни в своих выступлениях. А в рассказах о Соловках, где он сидел в лагере, нет описания личных невзгод. Что он описывает? Интересных людей, с которыми сидел, рассказывает, чем занимался. Грубость и грязь жизни не ожесточали его и, похоже, делали его мягче и отзывчивее» [10].

Гранин считает, что источником душевной прочности академика была его работа. Справедливости ради надо добавить: не она одна. Высочайшей ценностью в жизни Дмитрия Сергеевича была его семья. Ему было что терять. В этом плане характерен следующий эпизод: *«Папа никогда не говорил дома, при нас, детях, об аресте и Соловках, но я чувствовала, что что-то в его жизни было необычное и тяжелое. Я первый раз услышала о том, что он пережил, лет десяти-одиннадцати,*

после войны, когда мы еще жили на Лахтинской улице. У нас в гостях был кто-то из знакомых, и бабушка (папина мать) за чаем наговорила лишнего и по тем временам опасно. <...> После ухода гостя папа... произнес слова, которые я запомнила: “Я уже сидел и больше не хочу”. Это произвело на меня сильное впечатление, но я не осмелилась у него или у мамы что-нибудь спросить», — вспоминала дочь ученого Л. Д. Лихачева [11].

Такова была объективная реальность повседневного бытия миллионов людей в те времена в Советском Союзе. Сознание не может мириться с нечестностью, несправедливостью, подлостью, предательством, глупостью. А хочется жить на родине, заниматься любимым делом, общаться с родными, нянчить детей и внуков, наслаждаться прогулками по любимому городу... Многим думающим людям приходилось искать свое место между двумя полюсами: на одном из них — самоожжение, на другом — полное приспособленчество. Впрочем, не только в Советском Союзе и не только в те времена...

Существуют различные экстравагантные концепции: якобы Лихачев был не функционером «системы» и не ее оппонентом, а как бы «вне ее» [12]. Согласиться с этим трудно. Быть вне системы не удастся даже дворникам и истопникам. На практике выход из «системы» всегда означал лишь переход на службу иной системе.

«Казалось бы, после всех бедствий занятие древнерусской литературой — идеальное убежище, безопасное убежище, в котором он мог укрыться от всех треволнений мира. Однако не получилось», — писал Даниил Гранин [13]. Труды Лихачева — убедительный пример того, как яркие, настоящие научные результаты мешают спокойно существовать серости, бездарности. Интересно, что некоторые сегодняшние «бескомпромиссные противники коммунизма» пытаются поставить в вину Лихачеву написание во время блокады книги «Оборона древнерусских городов» [14]. Эта брошюра раздавалась солдатам в окопах. «Преступление» Лихачева заключалось в том, что он выполнил данную работу по заказу Ленинградского обкома партии. Надо ли добавлять, что в советский период об «антикоммунизме» нынешних лихачевских критиков никто не знал?

На самом же деле Дмитрий Сергеевич вряд ли когда-либо смог бы принять от кого-либо «заказ», который противоречил бы его убеждениям. Работавший в Секторе древнерусской литературы Пушкинского Дома академик А. М. Панченко вспоминал: *«Сейчас часто слышишь, как многие отрекаются от своего прошлого, говорят: “Мы не знали” или “Тогда было так надо”. Когда есть смертная казнь, палачи нужны, но не каждый ведь пойдет в палачи». «В древнерусском секторе ничего подобного не было. Поэтому нам не надо выбрасывать изданные книги или отрекаться от них» [15].*

Как бы то ни было, но даже занимаясь древнерусской литературой, Д. С. Лихачев постоянно чувствовал себя в опасности. Сотрудник Отдела пушкиноведения Пушкинского Дома Лидия Михайловна Лотман вспоминала: *«Постоянная готовность превратить спор или литературную полемику в политические обвинения и обилие “доброхотов”, готовых сфабриковать такое обвинение, угнетали. После конференции в университете, посвященной “Слову о полку Игореве” (1975 год), в ходе которой блестящий доклад прочел Д. С. и выступал мой брат Ю. М. Лотман, в “инстанции” был сделан клеветнический донос о содержании этих выступлений. Присутствовавших студентов и аспирантов стали вызывать в партбюро и допрашивать. <...> Под впечатлением подобных эпизодов Д. С., с которым мы встретились в электричке по пути из Зеленогорска в Ленинград, сказал мне однажды: “Чувствуешь себя как в оккупации”»* [16].

Второй конфликт Д. С. Лихачева с властью — конфликт профессиональный.

Невежественная власть мешала настоящим ученым работать, мешала жить интеллектуальной жизнью, поддерживала научную серость, безнравственных людей, пытавшихся добиться успеха ложной политизацией науки, демонстрациями верноподданничества, доносами.

Обстановка постоянного недоверия, подозрительности со стороны властей пропитывала все поры повседневной жизни академика, создавала постоянное психологическое давление, отравляла существование: *«Когда я приходила из школы и на телефоне в прихожей лежала вышитая болгарская подушка, это означало, что на Втором Муринском — гости и ведутся антисоветские разговоры. Прошедший школу Соловков в юности, чудом избежавший арестов в конце 30-х и во время блокады, сто раз подвергавшийся “проработкам” уже после войны, дед был крайне осторожен, чтобы не давать поводов вездесущим “органам”. За дедом следили, причем гебисты не старались скрывать следов своей достаточно грубой работы. Письма из-за границы приходили склеенные кое-как желтым канцелярским клеем, телефонные разговоры иногда искусственно прерывались: слышны были щелчки и звуки наматывающейся пленки»,* — вспоминала внучка Д. С. Лихачева [17].

Третий конфликт Д. С. Лихачева с властью сложился в сфере нравственности.

Л. М. Лотман вспоминает статью «Об общественной ответственности литературоведения», в которой Д. С. Лихачев утверждал, что если человек *«сохранит умение понимать людей иных культур, понимать широкий и разнообразный круг произведений искусства, идеи своих коллег и оппонентов, если он сохранит навыки “умственной социальности”, сохранит свою восприимчивость к интеллектуальной жизни, — это и будет интеллигентностью»* [18]. И, как справедливо

отмечала та же Л. М. Лотман: *«Нравственные принципы, которые всегда лежали в основе его деятельности, стали очевидны, когда в круг его занятий вошли вопросы истории быта, истории искусства, экологии, природы и культуры, когда его научная деятельность сомкнулась с практической общественной деятельностью»* [19]. Молчать и скрывать свои убеждения становилось все труднее, в особенности — от подрастающих младших членов семьи: *«Постепенно мир становился откровенно раздвоенным. В школе рассказывали про Павлика Морозова — дома дед сообщал, что такого персонажа не было в помине. По телевизору показывали фильм о Чапаеве, — дед с отворачиванием передавал воспоминания своего учителя Аничкова о том, как красный герой лично и с особой жестокостью расстреливал пленных офицеров. Что касается Байкало-Амурской магистрали, то как раз от деда я впервые услышала о том, что ее начали строить заключенные еще в тридцатые годы»,* — пишет З. Ю. Курбатова [20].

Между тем профессиональные достижения Д. С. Лихачева превращали его в крупную общественную величину.

В 1952 году ему присуждается Государственная премия СССР за работу «История культуры Древней Руси». В 1953 году его избирают членом-корреспондентом Академии наук СССР. В 1961 году Дмитрий Сергеевич становится депутатом Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. В 1967 году — Почетным доктором Оксфордского университета (Великобритания). В 1969 году ученому присуждается Государственная премия СССР за «Поэтику древнерусской литературы». В следующем году Лихачева избирают действительным членом Академии наук СССР.

Оппоненты академика теперь нередко ставят ему в вину то, что он принимал награды от советской власти и «оказался неблагодарен»: *«Этот нравственный карлик отсидел в начале советской власти три года в библиотеке в Соловецком лагере. Затем эта власть позволила ему дослужиться до академика и наградила его званием Героя Социалистического Труда. А сколько книг он беспрепятственно опубликовал после освобождения в сталинский период и позднее! Короче, советская власть все последующие годы после кратковременной отсидки Д. Лихачева, словно извиняясь, только и осыпала его благодарениями. Но как только Горбачев позволил интеллигенции рвать зубами советскую власть, академик, опередив всю эту стаю, первым цапнулся ей, этой власти, в руку дающую»* [21].

Литературный критик Владимир Бушин посвятил этой теме большую статью в газете «Завтра», иронизируя по поводу выдвижения ученого в 1990 году на премию фонда «Фьюджи» за «Жизнь, отданную делу во имя гуманизма». Весь пафос этого текста строился на полемике с фразой из «Известий»: *«Пройдя через сталинские лагеря, видный*

ученый и в последующем не однажды подвергся гонениям со стороны властей». Для примера приведем следующую цитату из текста Бушина: «Ну правильно. Только как можно было здесь промолчать о том, что мужественно преодолевая гонения властей, молодой Лихачев уже в том самом 1938 году становится научным сотрудником академического Института русской литературы (Пушкинского Дома). Вскоре нагло врагам защищает кандидатскую диссертацию, потом докторскую, а в 1946 году, когда многие были напуганы постановлением ЦК партии о журналах “Звезда” и “Ленинград”, расправой над Анной Ахматовой и Михаилом Зощенко, он, презрительно сметая с дороги все интриги и козни властей, становится профессором Ленинградского университета» [22]. В таком же духе комментируются и все остальные профессиональные достижения Дмитрия Сергеевича.

Нетрудно заметить, что рука об руку с подобной критикой идут элементарная человеческая зависть, недоброжелательство. Однако каковы бы ни были личные мотивы лихачевских оппонентов, факт налицо: не симпатизировавший советской власти и пострадавший от ее действий ученый продолжал заниматься своей профессиональной деятельностью и принимал от этой власти награды.

Насколько справедливо требовать от Лихачева (да и любого другого человека) иного поведения?

Вопрос не праздный. Мне думается, не справедливо. В истории Советского государства не было ни одного, даже самого радикального диссидента, который прямо с момента своего рождения или «прозрения» норвил сразу же порвать все отношения с властью, вступить с ней в непримиримую конфронтацию. Во всяком случае, вся творческая интеллигенция стремилась к диалогу, к отстаиванию своих позиций «мирным путем». Солженицын пытался публиковаться, Любимов ставил спектакли, Высоцкий снимался в кино и мучительно переживал «полуофициальное» положение своих песен, и т. д. Каждый из них стремился быть услышанным соотечественниками, и поначалу никому в голову не приходило отказываться от официального признания, идти на конфликт с властями.

В этой ситуации и заключался трагизм положения интеллигенции в советское время. Каждый, кто хотел заниматься своим делом и быть услышанным, должен был уметь так или иначе ладить с властью. Вопрос лишь в том, где пролегалла граница допустимого компромисса.

Разумеется, существовали разные пути противостояния власти, и позиция, занятая академиком Лихачевым, была не единственно возможной. Ученый служил не чиновникам, а своей науке и своей стране. Служил, не «подмазываясь» к власти, не совершая подлостей в погоне за почестями, не теряя человеческого достоинства. Все его должности и награды были заслужены делом, а не какими-либо внепрофессиональными

ухищрениями, протекциями, кумовством. Каждое звание, каждый орден, каждую премию государство давало ему, выполняя свой долг, совершая должное.

Характерно, что своими привилегиями Дмитрий Сергеевич распорядился своеобразно. Даниил Гранин обратил внимание на то, что интеллигентная скромность быта была одной из важнейших черт стиля жизни академика: *«Он не был аскетом, любил удобства, комфорт. Но не считал для себя возможным пользоваться этим, особенно в наше время. Скромная городская квартира, в которой он жил, тесная по современным понятиям для ученого мирового класса, была завалена книгами. Он принимал иностранных гостей со всего мира в маленьких комнатухах в Комарове. Никогда не стеснялся, не считал, что должен иметь какие-то просторные апартаменты. И это сегодня, когда ажиотаж, азарт стяжательства, тяга к богатству охватили все слои общества. <...> Стиль жизни Лихачева — вызов интеллигента всему обществу приобретателей»* [23].

Но был и другой вызов в поведении Лихачева той поры: *«Он широко использовал возможности, открывавшиеся по мере его научного и общественного признания, для помощи тем, кто в этом нуждался. <...> В пору, когда мой брат Ю. М. Лотман подвергался опасной критике и преследованию за то, что искал новые пути в изучении литературы и культуры, Д. С. принципиально выступил на его защиту, доказывая, что разработка новых подходов к материалам исследования, нового метода в науке, а также формирование разных школ — необходимое условие развития всех областей знания»,* — рассказывает Л. М. Лотман [24]. А вот эпизод из биографии Ильи Захаровича Сермана, с 1956 по 1976 год сотрудника Пушкинского Дома, затем — профессора Иерусалимского университета: *«Когда в 1975 году наша дочь Нина уехала в Израиль, Дмитрий Сергеевич в числе семи других членов ученого совета голосовал против четырнадцати его партийных членов, проголосовавших за мое изгнание из института. И память об этом как-то смягчала горечь незаслуженного и несправедливого решения моей участи»* [25].

Другой эпизод подобного заступничества содержится в воспоминаниях Г. М. Прохорова: *«... в Институт русской литературы, Пушкинский Дом, явились по представителю от КГБ и Василеостровского обкома партии, собрали — кого удалось — сотрудников и предложили им коллективно обратиться с просьбой к властям о лишении меня советского гражданства и ученой степени кандидата филологических наук. <...> И мои сотрудники во главе с... Дмитрием Сергеевичем Лихачевым сделать это не согласились. <...> Мое непосредственное начальство, Дмитрий Сергеевич Лихачев, был вызван в Смольный, в обком партии, к весильному Григорию Романову, и тот, между прочим, упрекнул академика за то, что он оказывает покровительство таким людям,*

как я. Что сказал или пообещал ему Лихачев, я не знаю, но Романов согласился прекратить преследования. <...> Машины, дежурившие около дома в городе и вдруг освещавшие ночных прохожих около дачи, исчезли; вызовы, допросы и потери друзей прекратились; слежка тоже — или пошла по другому режиму... Но главное — я остался на свободе, в России и в Пушкинском Доме, некогда приглашенный туда и сохраненный там Дмитрием Сергеевичем Лихачевым» [26].

Эти примеры можно множить и множить. Лихачев помогал и совершенно незнакомым ему, посторонним людям. Помогал просто потому, что не мог не помогать. Академик РАО Игорь Кон рассказывал автору этих строк, как в одном из провинциальных городков готовилось осуждение одного из жителей за распространение «порнографии», которой правоохранительные органы сочли роман Набокова «Лолита». Судьи со всей очевидностью склонялись к обвинительному приговору. Отчаявшийся их переубедить адвокат обратился за помощью к Лихачеву. Представленное в судебное заседание в последний момент письмо Дмитрия Сергеевича спасло судьбу человека.

Но так получалось не всегда. Академику приходилось балансировать на грани невозможного. И общая обстановка непрерывно менялась. Причем далеко не всегда — в лучшую сторону. Гелиан Прохоров свидетельствует: «В январе 1981 года мы с моим другом и соавтором Сергеем Гречишкиным собирали письма в защиту нашего общего друга, известного литературоведа и переводчика Константина Азадовского, ставшего жертвой провокации со стороны “доблестных органов” и арестованного (ныне реабилитированного). <...> обратились мы и к Дмитрию Сергеевичу, но он отказался — и отнюдь не из соображений осторожности: “Письмо за моей подписью только ухудшит в данном случае ситуацию. Для них мое имя в одном может сыграть свою роль — убедить дополнительно в том, что они правильно поступили”» [27]. Но иных примеров было намного больше: «В январе 1986 года к нам обратился киевский историк и литературовед С. И. Белоконь. Он жаловался на то, что подвергся преследованиям и лишился работы из-за своей общественно-политической деятельности в защиту свободы. С. И. Белоконь просил написать письмо президенту Академии наук Украины с просьбой предоставить ему работу. Мы встретились с Дмитрием Сергеевичем в вестибюле Пушкинского Дома. Он вошел с мороза, прочел напечатанный текст обращения в защиту Белоконя, достал замерзшими пальцами свою печатьку “Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев”, сделал тиснение в левом верхнем углу, подписал его, предложив и мне поставить свою подпись. Через некоторое время от Белоконя пришло письмо, в котором он сообщал, что получил работу. Это всего лишь один эпизод из многочисленных заступничеств Дмитрия Сергеевича за терпящих бедствие

людей самых различных профессий и разного общественного положения», — делится воспоминаниями академик А. А. Фурсенко [28].

Атмосферу противостояния ученого и власти того времени красноречиво характеризует рассказ академика Вячеслава Всеволодовича Иванова: «Позвонив Дмитрию Сергеевичу домой, я узнал, что он в Доме ученых на вечере памяти Беркова. <...> Когда вечер кончился, я подошел к Дмитрию Сергеевичу. Он предложил мне посидеть с ним и с его женой в гостиной на втором этаже — как раз рядом с тем залом, где прошло заседание. Мы уселись в креслах у окна. Меня беспокоила разговаривавшая травля Солженицына. <...> Час был поздний. Свет уже был приглушен. В пустой гостиной на столах напротив тех кресел, где мы сидели, были разложены газеты. Их в полумраке разглядывал или вернее делал вид, что читал, неизвестный нам молодой человек. Лихачев показывал мне на него, усмехаясь. Когда по окончании разговора мы встали, он бегом выскочил из комнаты и опростелью побежал одеваться. <...> Я поравнялся с Дмитрием Сергеевичем. Он сказал мне, что за ним, как и за мной, следят и что надо быть осмотрительными. <...> Я узнал о его разговоре с тогдашним ленинградским партийным градоначальником Романовым. В ответ на вопрос, почему его не пустили поехать в Болгарию, Романов сказал, что и дальше никуда за границу не пустит. Ваши друзья — наши враги. Кто? Романов назвал четыре имени — Романа Якобсона, незадолго до того высланного Солженицына, еще позже уехавшего Эткинды и меня. Трое других были за границей. Я один в России, как и сам Лихачев. В ответ на недоуменный вопрос обо мне Романов пояснил: “А как же, Вы с ним сидели вечером в гостиной Дома ученых”» [29].

Здесь уместно сказать, что лихачевское благородство было понятно далеко не всем даже в академической среде. Хотя, может быть, следовало бы сказать: в первую очередь в академической среде. Многие из его коллег вели себя совершенно иначе. Стоило ли удивляться их стремлению опорочить Лихачева, выдумать неблагоприятные объяснения его поведению?

Очень хорошо раскрывает этот аспект ситуации С. С. Аверинцев. Он вспоминает, что неизменно встречал со стороны Дмитрия Сергеевича постоянную готовность помочь ему в конфликтах с официозной идеологией: «Готовность эта была неутомимой, а в ряде ситуаций должна быть без малейшего преувеличения названа отважной. Последнее подчеркиваю особо, поскольку мы уже слышим сегодня голоса, с нарочитым нажимом подчеркивающие в общественном поведении покойного черты расчетливости и осторожности; и нам, жившим в ту пору, боязно, как бы непуганые поколения не приняли всего этого за чистую монету. Само собой разумеется, что в советских условиях всякий, кто желал заниматься легальной академической и просветительской дея-

тельность, должен был соблюдать осторожность и рассчитывать свои шаги; это относилось решительно ко всем нам. Но вот границу между необходимой осторожностью и предвзвешенной оробелостью совесть разных людей проводила весьма по-разному, и эти различия, из сегодняшнего дня почти неуловимые, тогда решали все. Не называя имен, скажу, что в определенные моменты некоторые уважаемые старшие коллеги, по образу мыслей мне скорее сочувствовавшие, начинали избегать со мной общения. <...> А Дмитрий Сергеевич вел себя совсем иначе, и я должен засвидетельствовать, что были случаи, когда я твердо знал, что единственный представитель академического мира, к которому мне можно обратиться, — это он, больше не к кому. А это наперед опровергает любые попытки тривиализировать его общественное поведение. Если бы делать то, что делал он, было бы и вправду уж так не опасно, не страшно, — почему же этого не делал никто другой среди лиц влиятельных? Если его роль была, как нас хотят уверить, чуть ли не предусмотрена, чуть ли не поручена ему советским официозом, — почему на эту роль не нашлось больше охотников?» [30].

Возможно, самым необычным в этой деятельности Лихачева было стремление помогать своим научным оппонентам: «Заговорили о Лотмане... Он сказал мне, что статью Юрия Михайловича о “Слове о полку Игореве” не считает правильной, но ему казалось, что надо побольше опубликовать разных точек зрения на “Слово” — тогда мы лучше его поймем», — говорит Вяч. Вс. Иванов [31]. Вот и С. С. Аверинцев отмечает, что по отношению к нему с начала 1970-х и вплоть до конца советских передраг Дмитрий Сергеевич неизменно проявлял самое деятельное участие, и его готовность встать в трудный час на сторону коллеги была доказана делом: ведь он помогал «не совсем такому лицу, каким обычно помогают в этом грешном мире», ведь «вокруг каждого человека есть “свои”, это вполне нормально, сколь же нормально помощь, оказываемая “своим”» [32]. В самом деле, научное сообщество в Советском Союзе жило своего рода «кланами», группировками, где руководители и ученики поддерживали друг друга, следуя определенным неписаным правилам, выполняя определенные, довольно-таки жестко детерминированные роли. Аверинцев же для Лихачева «своим» не был. То есть не был своим в некотором будничном смысле — членом социума, подчиненным, последователем или, тем более, «послушным учеником».

Видимо, противостояние власти — это искусство возможного. Лихачев искусно сочетал в подобном противостоянии, с одной стороны, взаимно противоречивые черты прагматика и идеалиста, с другой — человека высокоинтеллектуального и творческого одновременно. И ему удалось буквально пройти по грани бытия и небытия. Не случайно зоркий и внимательный к нюансам жизни Даниил Гранин как-то заметил, что Дмитрий Сергеевич уцелел потому, что был умен и осторожен.

Даже в благодушные для России XX века годы «оттепели» и «застоя» отстаивание своих принципов в противодействии власти не было безопасным. Лихачева трижды проваливали при избрании в академию. За отказом подписать организованное Академией наук письмо против А. Д. Сахарова последовало избиеение в собственной парадной. Но свои жизненные принципы пришлось оплатить не только сломанными ребрами: *«Слишком очевидными доказательствами угрозы, подступавшей из крошечной темноты, были в свое время и гибель дочери, и приключившееся тогда же нападение неизвестного на него самого»,* — пишет С. С. Аверинцев [33].

Подвергая испытаниям Дмитрия Лихачева, судьба проявила удивительную изобретательность. Здесь снова уместно процитировать Д. А. Гранина: *«Ему угрожали. Он оставался непреклонным. В сущности — всего лишь порядочным человеком, отнюдь не диссидентом — но, может быть, это было еще опаснее»* [34]. И еще: *«В девяностые года звезда Лихачева взошла высоко, он стал одним из самых популярных людей и, соответственно, подвергался тем же страстям и соблазнам, что и остальные деятели. Его искушали особенно энергично. Вербовали себе в сторонники, старались заручиться его поддержкой. Власть хотела использовать его репутацию. Так, например, Черномырдин, создавая движение “Наш дом — Россия”, настойчиво предлагал Лихачеву возглавить избирательный список в депутаты Думы. Он не поддавался. Времени порча не сумела воздействовать на него»* [35].

Как позднее отмечали близкие Д. С. Лихачева, «его временем» стала перестройка. *«В одночасье, солнечным летним днем, дед перестал быть опальным — письмо от Горбачевой привез фельдъегерь, примчавшийся на серебристом автомобиле прямо из Москвы. <...> Дед... внутренне просиял — вряд ли его так волновало отношение властей, просто дед сказал кому-то невидимому: “То-то же”»,* — вспоминает З. Курбатова [36].

О взаимоотношениях Лихачева и власти в горбачевскую пору существуют разные, порой диаметрально противоположные мнения. Например, директор Библиотеки Конгресса США Джеймс Х. Биллингтон считает, что *«фактически Лихачев был домашним учителем семьи Горбачевых, открывавшим перед ними сокровища той культуры, которая предшествовала эпохе советской власти. Надо отдать должное чете Горбачевых в том, что они ценили Лихачева, а Лихачеву — что он не превратился в очередное “украшение дома” руководителей государства»* [37]. Эту же мысль позднее повторил С. О. Шмидт: *«С середины 1980-х гг. <...> он понял, что получил возможность просвещать в желанном ему духе не только широкую общественность, но и самых влиятельных людей государства»* [38].

Д. М. Буланин же утверждает, что *«политики превратили красивую сказку об “эпохе” Д. С. Лихачева в жестокий фарс»,* что *«те — на-*

верху, кто признал его как persona grata, сделали его ответственным за все свои злодеяния. <...> те, кто его приблизили к трону, безусловно все понимали, блестяще разыграв эту партию. Присвоить себе авторитет академика, всю жизнь находившегося в оппозиции к власти, — это (отдадим им должное) гениальный тактический ход. <...> его использовали на полную катушку. Используют и по сию пору, апеллируя не к живому, так к мертвому. Не к человеку, так к мифу». В итоге своих рассуждений этот автор заявляет, что власти сделали из Д. С. Лихачева «удобную для себя политическую марионетку» [39].

Среди критиков Д. С. Лихачева были не только завистники, стремившиеся приписать ему корыстные мотивы. Встречались и отдельные сторонники прежней власти, противники М. С. Горбачева, возглавлявшие на академика часть ответственности за распад СССР. Вот уж действительно, в России ни в чем не виноват может быть лишь тот, кто ничего не делает...

А Лихачев был из тех людей, кто делал много. Если иметь в виду общественную деятельность, то прежде всего он выступал в защиту культуры и природы. Филолог Илья Серман вспоминает: «...как только появилась возможность свободного проявления его личных, человеческих качеств, Дмитрий Сергеевич выпрямился во весь рост» [40]. А Даниил Гранин дополняет: «С тех пор, как ему стало можно выступать, он выступал очень много». Писатель сравнивает Дмитрия Сергеевича с Сизифом, продолжающим толкать свой камень. Как вспоминает Гранин, иногда академик говорил ему: «Даже в случаях тушиковых, когда все глухо, когда Вас не слышат, будьте добры высказывать свое мнение. Не отмахивайтесь, выступайте. Я заставляю себя выступать, чтобы прозвучал хотя бы один голос. Пусть люди знают, что кто-то протестует, что не все смирились» [41]. Действительно, в силу специфики профессии слово Лихачева и было его делом. Хотя, разумеется, добиться положительного результата удавалось далеко не всегда.

Однако период перестройки был для Дмитрия Сергеевича порой надежд. «Тогда, — вспоминает З. Курбатова, — дед считал, что справедливость начинает торжествовать, осталось еще немного — публичный суд над коммунистической партией, похороны мумии Ленина — и черная полоса в истории страны закончится» [42]. В 1991 году, когда группа государственных деятелей Советского Союза ввела чрезвычайное положение, академик выступил с резким протестом. Двадцатого августа, во второй день ГКЧП, на Дворцовой площади, выступая перед 400-тысячной аудиторией, Д. С. Лихачев сказал: «Не поддавайтесь на лицемерие так называемых руководителей — руководителей заговора... Кто из захватчиков власти в прежние времена не клялся народу его интересами? Не верьте этому. Потому что интересы народа они

могли защищать гораздо раньше. Они отвечали за положение в стране, у них и так была власть» [43].

Безусловно, такое выступление требовало мужества. Тогда никто не знал исхода борьбы за власть. Однако, по всей видимости, Лихачев не мог поступить иначе. Демократические убеждения были им выстраданы. Как отмечал Джеймс Х. Биллингтон: *«Несмотря на свою любовь к традициям и негодование по поводу расстрела царской семьи, Лихачев решительно отвергал всякую мысль о возвращении страны к монархии и горячо поддерживал демократические реформы» [44].*

Профессор Женевского университета Ж. Нива вспоминал о следующем замечании Дмитрия Сергеевича: *«Государство не должно быть идеологизированным, но оно и не должно быть слабым (как сегодня). Оно должно медленно, мирно уходить. И все понимали, что уход этот должен сопровождаться ростом красоты, гармонии, культуры, словом, Царства Божиего» [45].*

В газете «Аргументы и факты», в статье «О прошлом и будущем России» Дмитрий Сергеевич утверждал, что демократия в России имеет глубокие исторические корни. Он полагал, что крепостное право — это вовсе не рабство, а совершенно иная форма отношений. И приводил примеры: князь в Киевском княжестве в X–XI веках довольно-таки демократично обсуждал дела с боярами (в документах боярской думы были и такие записи: *«Великий государь говорил, а бояре не приговорили»*). Разве это не демократия?). Традиция русских сходов была так же весьма демократичной, и сходы были значительно более организованными, нежели российской Дума 1990-х годов с ее драками: *«Ничего подобного крестьяне не допускали, они были степенными людьми»*. Земские соборы так же были формой демократической жизни [46].

В июне 1994 года он писал: *«Демократия без нравственности — абсурд. Переходный период, который всегда во всех странах несет в себе некоторую хаотичность, требует от людей государственных высокой и очень чуткой нравственности. Административная мораль — вот чего нам не хватает после семидесяти пяти лет систематического нарушения нравственных норм. <...> А в безнравственном обществе никакие экономические законы не действуют. И все распоряжения гаснут. Распоряжения президента, правительства не выполняются безнравственными людьми» [47].*

Нередко бывает так, что благими намерениями оказывается вымощена дорога в ад. Вот и события 1990-х годов в России для многих стали трагедией, сопоставимой по масштабу с революцией 1917 года.

Далеко не все государственные деятели и «прорабы перестройки», инициаторы тех реформ оставили о себе добрую память в народе. А Д. С. Лихачева вспоминают с уважением. Благородство его помыслов и действий было несомненно. Кроме того, сам Дмитрий Сергее-

вич был удивительным примером уважительного отношения к тем, кто мыслил иначе. Он никогда не стремился нанести какой-либо личный ущерб своим оппонентам. Характерно в этом плане следующее замечание З. Курбатовой: *«Деда от нынешней все возрастающей армии неофитов отличала большая терпимость к атеистам и людям другой веры, он считал, что в церковь можно зайти и неверующему, чтобы постоять просто так, не молясь. Никогда в жизни он не сделал бы кому-либо замечания по поводу церковных обрядов»* [48]. И уж тем более академик никогда не стремился уничтожить или даже унижить инакомыслящих. Дж. Биллингтон вспоминал, что Д. С. Лихачев говорил с ним на *«универсальном языке культуры»*. Впрочем, это мог бы сказать о Дмитрии Сергеевиче каждый его собеседник.

Воспоминания Джеймса Х. Биллингтона, одного из крупнейших зарубежных специалистов по российской истории и культуре, особо интересны потому, что сочетают в себе доброжелательную непредубежденность, высокую собственную культуру, независимость и преимущество «взгляда со стороны». В частности, Биллингтон писал, что Д. С. Лихачев *«воплощает в себе лучшие черты российской культуры XX столетия»*, что эрудиция, великодушие и плюрализм являлись внутренне присущими ему качествами: *«В каком-то смысле он был последним великим представителем высокой культуры старого Петербурга. Но в то же время россияне все больше и больше видели в нем новое воплощение вечного исторического явления — голоса совести, говорящего правду властям. <...> В свойственной ему мягкой, но решительной манере он защищал целостность и одновременно разнообразие российской культуры, неустанно подчеркивая ее способность стать преобладающей силой в обществе, глубоко пораженном тоталитаризмом»* [49].

Существенно, что Дмитрий Сергеевич не воспринимался российским обществом как политик. Он никогда не стремился к власти. Влияние Лихачева, по сути, было влиянием именно культурным. Не случайно Д. А. Гранин заметил: *«Его присутствие мешало идти на сделки со своими слабостями»*. Ученый стремился быть на стороне добра. И это было очевидно всем окружающим. Тонко ощущающий реальность писатель сказал об этом так: *«Лихачев был бойцом-одиночкой. Борьбу со злом всегда начинал один, не ожидая подкрепления. В его распоряжении не было ни партии, ни движения. Не было и влиятельной должности, вертушек. В его распоряжении была лишь моральная репутация, авторитет. Правда»* [50].

В годы перестройки общественное сознание поставило в один ряд имена двух ученых: Лихачева и Сахарова. Оба выступали в защиту перемен, оба воспринимались как носители классической русской культуры. Дмитрий Сергеевич был одним из немногих, кто не подписал письмо советских ученых с осуждением Сахарова. Различия в деятельности

этих двух знаменитых академиков найти не трудно. Однако в контексте данной темы важнее их общее.

Судьба предоставила академику Лихачеву скорбную возможность высказать, что его больше всего привлекало в А. Д. Сахарове. Это произошло в Лужниках на митинге, посвященном кончине Андрея Дмитриевича: *«Один праведник может оправдать существование целого народа — вот так, слегка перефразируя библейское изречение, я хотел бы сказать об Андрее Дмитриевиче Сахарове. <...> Он один говорил от лица всех нас. Он спас и сохранил наши честь и достоинство, подав голос в защиту людей, преследуемых властями, для которых инакомыслие было тяжчайшим государственным преступлением. <...> Не знаю, что стало бы с нашим обществом, куда бы оно сегодня зашло, если бы не то незаметное влияние, которое оказывал тихий глуховатый голос Андрея Дмитриевича на страну. <...> В сущности, Сахаров никогда не стремился поразить оригинальностью взглядов, высказать что-то такое, чего не смог бы сказать никто другой. Он всегда говорил и писал о простых человеческих истинах, которые в свободной, демократической стране воспринимаются как нечто совершенно естественное, обыденное. Но в государстве, где обыкновенному человеку запрещено говорить обыкновенные вещи, они, высказанные вслух, становились откровением. Не исключительность, а обыденность тех истин, которые отстаивал Андрей Дмитриевич Сахаров как политик, потрясала людей. Потому что, когда в изолгавшемся обществе один человек говорит правду, каждое сказанное им слово обретает особый смысл. <...> Он был предельно искренен и естественен во всех своих поступках, в любой ситуации оставаясь самим собой. Отсюда необычайная сила его воздействия на людей. Отсюда — громадность его личности, оказавшейся сильнее всех “обстоятельств времени”. <...> Все в его жизни было удивительно закономерно, а сам он явился выразителем оставшейся честной части России»* [51]. Эти слова удивительно применимы к самому Дмитрию Сергеевичу Лихачеву.

P. S. Когда этот текст готовился к печати, мне удалось обсудить его с писателем Граниным. Даниил Александрович заметил, что проблема личности и власти — это проблема не только интеллигенции, но и всех порядочных людей, из каких слоев общества они бы ни происходили. Порядочные люди нетерпимы не к власти как таковой, а к несправедливости, исходящей от власти. И добавил: «Конфликт этот имеет глубинную природу. В 30-е годы Мандельштам написал, что власть отвратительна, как руки брадобрея. Сегодняшней молодежи это трудно понять. А в то время процедура бритья содержала не совсем приятные моменты. Стремясь выбрить клиента как можно чище, брадобрей мог взять его за нос, оттянуть щеку или залезть пальцами

в рот. Делалось это во имя клиента, но... было отвратительно. Вот так и с властью. Власть невозможна без насилия и отвратительна уже этим. Отвратительна и неизбежна. Интеллигенция чувствует это лучше, чем кто-либо...»

Мы сошлись с Даниилом Александровичем во мнении, что власть бывает разной. Но перед каждым новым поколением порядочных людей снова и снова будут вставать те же вопросы, примеры решения которых дал своей жизнью Дмитрий Сергеевич Лихачев.

Примечания

1. Проблемы сохранения и изучения культурного наследия: к 100-летию академика Д. С. Лихачева : материалы науч. сессии. Москва, 20 декабря 2006 г. / РАН, Отд-ние ист.-филол. наук ; отв. ред А. П. Деревянко. М. : УОП Ин-та этнологии и антропологии РАН, 2006. С. 23.

2. *Зобнин Ю. В.* Мы чувствуем себя крестниками Лихачева / [беседу вела Т. Львова] // *Очень*^{UM}. 2006/2007. № 1, спец. вып. : К 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. С. 29.

3. *Шмидт С. О.* Д. С. Лихачев и практика сохранения историко-культурного наследия России // Проблемы сохранения и изучения культурного наследия. С. 24.

4. Дмитрий Лихачев и его эпоха. Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии / сост., отв. ред., авт. пер. Е. Г. Водолазкин. СПб. : Logos, 2002. С. 112.

5. Там же. С. 181.

6. Там же. С. 9–10.

7. Там же. С. 33.

8. Там же. С. 3.

9. Там же. С. 36–37.

10. Там же. С. 381–382.

11. Там же. С. 27.

12. Там же. С. 9.

13. Там же. С. 387.

14. *Тиханова М. А., Лихачев Д. С.* Оборона древнерусских городов. Л. : ОГИЗ : Госполитиздат, 1942.

15. Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 100.

16. Там же. С. 82.

17. Там же. С. 36.

18. Там же. С. 85.

19. Там же. С. 152.

20. Там же. С. 38.

21. *Ковалев К.* Карлики // Советская Россия. 1996. 16 июля.

22. *Бушин В.* Лягушка в сахаре // Завтра. 1996. 27 марта.

23. Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 388.

24. Там же. С. 83.

25. Там же. С. 92.
26. Там же. С. 108–110.
27. Там же. С. 112–113.
28. Там же. С. 161.
29. Там же. С. 174–175.
30. Там же. С. 177–178.
31. Там же. С. 174.
32. Там же. С. 178.
33. Там же. С. 177.
34. Там же. С. 387.
35. Там же. С. 381.
36. Там же. С. 35.
37. Там же. С. 3.
38. *Шмидт С. О.* Указ. соч. С. 18.
39. *Буланин Д. М.* Эпилог к истории русской интеллигенции: Три юбилея. СПб. : Дмитрий Буланин, 2005. С. 166–167.
40. Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 92.
41. Там же. С. 383.
42. Там же.
43. [Пресса Ленинграда в дни путча, 19–21 авг. 1991 г.] URL: <http://agitclub.ru/gorby/putch/leningrad19.htm> (дата обращения: 26.11.2010).
44. *Биллингтон Дж. Х.* [Программа «Открытый мир» — живая память об академике Лихачеве] // Открытый мир : информ. бюл. 2006. Весна. Вып. 2. С. 3.
45. Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 202–203.
46. Аргументы и факты. 1995. 12 окт.
47. Не бывает демократии без нравственности / беседа с Д. С. Лихачевым вел А. Романенко // Российская газета. 1994. 11 июня.
48. Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 37.
49. *Биллингтон Дж. Х.* Указ. соч. С. 1, 3.
50. *Гранин Д. А.* Наша печаль, наша любовь // Открытый мир : информ. бюл. 2006. Весна. Вып. 2. С. 4.
51. *Лихачев Д. С.* Он спасал нашу честь. Слово об А. Д. Сахарове: [произнесено в Лужниках на митинге, посвященном кончине А. Д. Сахарова] // Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб. : Logos, 2001. С. 641–643.